

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ой. Буэнос Айрес, суббота 8 июля 1989

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 8 de julio de 1989

№ 2031

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕВА

ЧТО ТАКОЕ КОММУНИЗМ

Парижский журнал «Л'Эвенеан» от 8 июня вышел под аншлагом: "Le communisme, c'était donc cela". Речь о событиях в Китае, и отчасти в России. Поняли французские журналисты, впрочем, не слишком много, да и то — по-своему. В Пекине женщина им показала на груди трупов после расстрела студенческой демонстрации, и сказала: «Вот что такое социализм!» По поводу этих слов, Жан-Франсуа Кан восклицает: «Как бы ужаснулись Жорес и Олаф Пальме!» И пытается провести глубоко ложную грань между социализмом и коммунизмом.

Зачем же однако ссылаться на людей, которые настоящего социализма, в действительности, никогда и краем глаза не видели? Жорес о социализме только сладко мечтал, а Пальме знал только западно-европейскую водянистую и слащавую его версию. Спросить надо у нас, включая вот и ту китаевку, которая, она-то, говорит про вещи, которые пережила и испытала на опыте!

«Это не Сталин повенчал коммунизм с террором; наоборот, коммунизм породил Сталина» — открывает Кан Америку. Ну само собой! Коммунизм был не менее кровавым уже и при Ленине; хотя его жертвы тогда были не совсем те же.

Любопытно другое. Вот мы, русские эмигранты, с самого начала старались ведь втолковать Западу правду о кошмаре, творящемся в России. Но никто на нас внимания не обращал. Считалось, что мы врем или ничего не понимаем. Еще бы! Сартр и Арагон, Бернард Шоу и декан Кентерберийский рассказывали вовсе обратное, — а им и книги в руки.

Прошло время, — и оказалось, что правы-то были мы! Теперь о том же самом, с подробностями, каких порою и мы не знали, кричат советские романы и журналы, десятки воспоминаний очевидцев. Так что отрицать ужасы, десятилетиями, больше полувека, творившиеся в «стране победившего социализма» стало невозможно.

Казалось бы, западная интеллигенция должна к нам обратиться, посыпав голову пеплом, с извинениями, и признать: «Вы говорили правду; мы ошибались». И, рассуждая логично, спросить наше мнение о том, что сейчас делается в СССР, и даже наш прогноз насчет будущего.

Но что-то мы подобных заявлений не слышим. Хвалят иногда Солженицына (и прекрасно, его заслуги нельзя переоценить...); а 20 книг, написанных и изданных до него о концлагерях, полностью забывают.

И — стыд и срам! — отрекаясь от нехорошего коммунизма, продолжают мечтать о немзыслимом идеальном социализме. Который раз за разом обо-

рачивается на практике царством адской жестокости и беспросветного рабства, оскаливаясь жуткой гримасой на наивные химеры либеральных теоретиков. Раскрывающую сущность социализма работу Шафаревича Европа и Америка покамест не прочли, и читать не торопятся. А если кто и прочел, то помалкивает. «Тяга к смерти», разоблаченная в ней, чересчур сильна. Преодолеть ее избалованное и развращенное потребительское общество свободного мира не в состоянии.

«Л'Эвенеан» рисует жизнь в СССР: бедность, несправедливость, алкоголизм, преступность, произвол и часто сумбур в администрации (в голосе комментаторов улавливается больше злорадства, чем жалости по отношению к страдающему народу). Все это давно известно тем, кто не закрывал себе глаза и не затыкал уши. Но почему-то западные либералы именно так до сих пор себя и вели, — и с упорством, достойным лучшего применения!

Что ж, слава Богу, если кровавая расправа на площади Тянь Ан Мен в Пекине пробудила в них совесть! А то и смех и грех было наблюдать их слезы по поводу всяких мелких ущемлений прав человека в Чили или в Турции, при абсолютном игнорировании куда худших явлений в СССР и в странах восточной Европы.

Впрочем, крайнее бездушие их к Индокитаю остается незабытым. В том же номере журнала Б. Кушнер с горечью отмечает нежелание Франции принимать беженцев из Вьетнама и Камбоджи.

Удача китайских бунтарей состоит в том, что левая пресса на Западе их восприняла, справедливо или нет, как оппозицию *слева*, заслуживающую *eo ipso* поощрения; тогда как все исходящее *справа* подлежит безжалостному осуждению и удушению.

Маленькая — но напечатанная *красными буквами!* — заметка в том же выпуске клеймит и поносит объединение «Патриот» в Ленинграде, лидер коего, А. Романенко, осмелился протестовать против русофобии.

Итак, пределы свободы для подсоветских граждан, в глазах редакции французского журнала четко и неумолимо очерчены.

Нам подсовывают, в виде программы, борьбу за некие новые формы социализма (никому не нужного и всем ненавистного, кто его хлебнул), в рамках национального обезличивания, на манер принятых коммунистами еще досталинских времен. С такими лозунгами, путь ведет, понятно, в пропасть. Но наши европейские друзья того для нас и желают!

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕВА

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ РОМАНС*

НАША ЮНОСТЬ НЕ ЗНАЛА ПЕЧАЛИ,
ОТ ОTCОВ НАМ УДЕЛ ВЕКОВОЙ —
НА ПАРАДНОМ — «ВЛАДИМИР С МЕЧАМИ»,
НА ПОХОДНОМ — ПРОКОЛ ШТЫКОВОЙ.
МЫ ДОЛГИ ВОЗВРАЩАЛИ С ЛИХВОЙ,
МЫ ИГРАЛИ СО СМЕРТЬЮ В «ОРЛЯНКУ»
МЫ КРУТИЛИ ЛЮБОВЬ С ГЕНЕРАЛЬСКОЙ ВДОВОЙ,
ЖДАЛИ ВСТРЕЧ С БЕЛОКУРОЙ СМОЛЯНКОЙ...

МЫ ОКРОПИЛИ КРОВЬЮ РУССКОЙ ПОЛ-ЕВРОПЫ
И ВОТ ТЕПЕРЬ ОПЯТЬ ВОЙНА, ОПЯТЬ ОКОПЫ,
А ТЕ СОЛДАТЫ, С КЕМ ГЕРМАНЦА БИЛИ ВМЕСТЕ,
СТРЕЛЯЮТ В НАШИХ МАТЕРЕЙ И ЖГУТ
ПОМЕСТЬЯ.

ПОНАВЕСИЛИ КРАСНЫЕ ФЛАГИ,
ПОСРЫВАЛИ СО СТЕН ОБРАЗА,
ПОРОСЛИ «ВОЛЧЬИМ ГЛАЗОМ» ОВРАГИ,
ПОЧЕРНЕЛА НЕБЕС БИРЮЗА.
А КОГДА ОТШУМЕЛА ГРОЗА,
ОТШУМЕЛИ ВСЕ СМУТЫ И ВОЙНЫ,
ОТЧЕГО НА ГЛАЗА НАБЕЖАЛА СЛЕЗА,
ОТЧЕГО НА ДУШЕ НЕСПОКОЙНО?

ПРОЩАЙТЕ Ж, МИЛЫЕ МОИ ОЛЬХА И ТОПОЛЬ,
ПРОЩАЙ, ОДЕССА, ВПЕРЕДИ КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
ХОТЕЛОСЬ КРИКНУТЬ ВО ВЕСЬ ДУХ, ДА ВЫШЛО
СИПЛО,
— ПРОЩАЙ НАВЕКИ, ПЕТЕРБУРГ, ПРОЩАЙ,
РОССИЯ...

В АЗИАТЧИНЕ ГРЯЗНОЙ И ДУШНОЙ
НЕ В ХОДУ ЗОЛОЧЕНЫЙ ПОГОН,
НО ЛЕЖИТ РЕВОЛЬВЕР ПОД ПОДУШКОЙ,
В БАРАБАНЕ ОСТАВЛЕН ПАТРОН.
НЕ ВЕРНУТЬ ЭТИХ ДИВНЫХ ВРЕМЕН
НИ МОЛЬБОЮ, НИ ГОРЬКИМ УПРЕКОМ.
АХ, МАЛИНОВЫЙ ЗВОН, ИМПЕРАТОРСКИЙ ТРОН
В НЕВОЗВРАТНОМ ПРЕКРАСНОМ ДАЛЕКОМ...

ПАВЛОВСК

НО ИМЯ ОСТАЛОСЬ У ГОРОДА ЦАРСКОЕ!
ПО-ЦАРСКИ ЕГО НАРЯЖАЛИ И ГРЕЛИ
ИЮЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ И НАЛЕДЬ ЯНВАРСКАЯ,
ЯНТАРЬ ОКТЯБРЯ, ИЗУМРУДЫ АПРЕЛЯ.

КАК ВЫБОРГ И ГАТЧИНА ЛОЗУНГОМ БРОСОВЫМ
СЕЙ ГОРОД ОСАЖЕН, ОБОЛГАН, ОХАЯН,
КАК В ПУШКИНЕ, В ПЕТРОДВОРЦЕ, В

ЛОМОНОСОВЕ
НАХАЛЬНО МЕЛЬКАЮТ КОРОБКИ ОКРАИН.

И ТЯНЕТ К НЕМУ МЕТРОПОЛИЯ ШУПАЛЬЦА,
И С ГОРОДОМ ВОЛЬНЫМ ПОКОНЧИТЬ СРЕМИТСЯ
И ДЕЛО К ТОМУ, ЧТО ЦЕНТРАЛЬНАЯ УЛИЦА
ВДРУГ СТАНЕТ ОКОЛИЦЕЙ ПРЕКРАСНОЛИЦЕЙ...

... НО ИМЯ ОСТАЛОСЬ У ГОРОДА — ЦАРСКОЕ...

ВЛАДИМИР ИЗОТОВ

*) Мы публикуем два стихотворения проживающего ныне в С. Петербурге барда Владимира Изотова, изъявившего желание опубликовать их под своим именем в «Нашей Стране».

УЗНИК ЗА ХРИСТА В РОССИИ

В Нью Йорк из Москвы 17 мая прибыл консультант Московской Группы Международного Общества Прав Человека Павел Проценко.

И июне 1986 года он был арестован в Киеве и обвинен по статье 187-1 Уголовного Кодекса Украины (аналог статьи 190-1 УК РСФСР) в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй». (Эта статья в этом году, как одна из двух политических статей в Кодексе, вроде бы отменена). Основанием для ареста послужила статья о положении христиан в СССР (в основном на примере православных), написанная Проценко, а также работа над рукописями и биографией «тайного» епископа Варнавы (Беляева). Но уже много лет перед этим Павел Проценко за религиозную проповедь и помощь гонимым подвергался преследованиям и обыскам со стороны КГБ. В 1981 году его задержали в Дивеево, у канавки преподобного Серафима, куда он приехал на поклонение, после чего начались неприятности на работе, в библиотеке. В 1983 году ему было вынесено предупреждение от «органов».

Несмотря на то, что у власти уже находился Горбачев, карательные службы произвели по стране ряд арестов среди христиан. В марте 1986 года был арестован Владимир Русак, ранее, в январе, арестован престарелый архимандрит Иосиф (Софронов) из Новгородской области, 29 марта подвергнут обыску Павел Проценко, после которого, 4 июня, последовал и его арест. По видимому, украинское КГБ рассчитывало, что в тени Чернобыля дело это пройдет незаметно.

Однако, это им не удалось. В защиту Проценко выступили западные правозащитные организации, в частности, американский «Центр для демократии». Сообщения о его деле появились в западноевропейских и американских газетах, а также в русскоязычных печатных изданиях. («Новое Русское Слово», «Русская Мысль», «Православная Америка»). Жена его, Ирина Дьякова, обратилась к мировой христианской общности с просьбой о помощи. Во многих странах Запада о нем ежедневно молились христиане, посылали письма поддержки. Собор Православной Церкви в Америке призвал свое духовенство и паству молиться о нем наряду с рядом других православных узников. В США его защиту принял адвокат Глен Скотт, которому, однако, советские власти не дали въездной визы.

Павла Проценко арестовали как активно-верующего человека и следствию важно было «оформить» дело в терминах советского уголовного права, в штампах советского массового сознания. Одно время КГБ хотело представить его лидером несуществующей «подпольной» организации. С самого начала Проценко отказался участвовать в следственных действиях.

В конце концов, кроме статьи о положении Церкви и черновиков к биографии епископа Варнавы, ему приписали написание воспоминаний по истории Церкви 20-40-х годов XX столетия, написанных еще в шестидесятые годы Левитиным-Красновым (то есть тогда, когда Павел был еще ребенком), а также статей, написанных протоиереем Иоанном Майендорфом (их перевела на русский Марина Проценко).

18-19 ноября 1986 года состоял-

ся суд в Киеве (до него еще было месячное содержание на экспертизе в психиатрической больнице). Впервые в истории политических процессов в СССР в ходе судебных прений Проценко удалось доказать абсурдность нескольких пунктов обвинения, так что прокурор вынужден был исключить ряд эпизодов из обвинения (то есть удалил несколько инкриминируемых текстов). Однако, обвинение, по-прежнему, состояло из длинного перечня текстов, рукописей, которыми следствие подкрепляло главный свой тезис: Проценко якобы «клеветал» на политику советской власти в отношении к Церкви и к верующим.

В последнем слове Проценко заявил, что коммунизм преследует христиан потому, что полностью отвергает Личность Христа на всех уровнях общественной и индивидуальной жизни. «Меня судят за стремление жить по заповедям Христа и Его Церкви», сказал он.

Приговор суда — 3 года лагерей, максимум по данной статье. Однако в декабре 1986 года Верховный Суд Украины отменил приговор и направил дело на доследование. Во время доследования власти провели «литературоведческую» экспертизу работ Павла Проценко и изъятых у него книг епископа Варнавы. Во главе «экспертов» был некий Дулуман, бывший священник, отказавшийся от Бога в «хрущевское» гонение и ставший профессором атеизма в Киеве. Экспертиза была составлена в сталинском стиле; таким образом, следствие готовило новое обвинение.

Однако, в защиту Проценко подписали письма такие известные писатели, как Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, Олег Волков. Написали письма в ЦК КПСС Евтушенко, Андрей Битов (преподаватель Павла Проценко по Литературному Институту имени А. Горького), Булат Окуджава, Даниил Гранин и другие, всего около 30-ти самых маститых подсоветских писателей. Андрей Битов, например, написал, что сама личность Проценко несовместима ни с каким уголовным преступлением, Евтушенко отметил, что подобные процессы «политически вредны», Дудинцев призвал власти не создавать «диссидентов» и отменить приговор. В январе 1987 года Горбачев объявил о политике «демократизации».

4 февраля 1987 г. Павел Проценко был освобожден из Лукьяновской тюрьмы в Киеве, а через несколько дней ему выдали бумагу, в которой значилось, что дело прекращено «в связи с переменой обстановки».

В конце 1987 года семья Проценко переехала в Подмоскovie, город Электросталь. После эмиграции из СССР священника Владимира Шибяева Проценко попросили занять его место в Московской Группе Международного Общества Прав Человека.

В марте-апреле этого года он освещал борьбу православных города Иваново за открытие Введенского храма, борьбу, ставшую широко известной в западном мире. В. И.

Языковые уродства в "КАБАЧКЕ"

В израильском журнале "Круг" имеется отдел "Кабачок", отчасти сходный с моим, ибо посвященный разборю опечаток и неправильных оборотов речи, и составляющийся поочередно различными сотрудниками. Из них Б. Камянов ведет свою хроннику в стихах, чего я никак не сумел бы сделать! Приведем несколько образцов из # 584.

Обнаружив в журнале "Алеф" курьезную фразу под пером редактора данного печатного органа В. Ханелиса: "Его укусил в палец араб-террорист", Камянов откликается:

Я собрал остаток сил,
Тщательно прицелился,
И журнал сей укусил
В редактора Ханелиса.

На пассаж, в том же журнале, Б. Бешьяминова: "Скрипя сердцем, Главный Раввинат решил пойти на уловку", он реагирует так:

Сел он за статью вчера,
Пришел граммов триста,
И скрипело до утра
Сердце журналиста.

Поймав все там же И. Мошковича на довольно-таки неуклюжей конструкции: "Образ ужасного то огне, то вододышащего дракона", Камянов и тому не дает спуску:

На паро плыл я как-то холь
и паро встретил в море воз.
Он к сво литературной боде
И Мош и Ковича повез.

Не шадит юморист и "Круг", где сам пишет. Строчку Г. Морделя: "Свидетельство о родах старшего сына", он комментирует насмешливым замечанием: "Вот к чему приводит жепская эмансипация".

По поводу же рассуждений своего коллеги по "Кругу" В. Вайсберга: "Тот, кто приходит в гости на чашечку кофе к соседу или знакомому, не всегда знает, что это является первым шагом к христианству", Камянов раздражается едкой строфой:

Вредно пить кофе, дружок, от пупа,
Ибо свихнешься от страха.
В каждом соселе увидишь пупа,
В каждом знакомом — монаха.

Еще ехиднее пародирует он корявый язык "Обзора" (скончавшегося ныне приложения к "Русской Мысли"): "Резко осуждают и клеветуют на Израиль", в такой форме:

Читатель бедный вновь израилен,
Судите сами, каково:
Клеветуют недруги Израиль
И осуждают на него.

Другие, не менее остроумные, но порою неполные приличные куплеты Камянова не могу привести за недостатком места, хотя и хотелось бы.

Аркадий Рахманов

НА РОДИНЕ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

"Стрепоженное бюрократическими путями, разрушаемое противоестественными социальными экспериментами, наше сельское хозяйство, мучительно агонизировавшее в течение десятилетий, погрузилось в состояние паралича", — так сформулировал сельскохозяйственную проблему нашей страны талантливый русский экономист А. Илларионов (журнал "ЭКО", 12/1988).

Много проблем у нашего народа, но самый катастрофический характер носит отставание советской России в сельском хозяйстве. Если среднегодовая урожайность зерновых в Нидерландах 65,5 центнера с гектара, то СССР с урожайностью 15,6 занимает 90-е место среди исследованных 109 стран! По среднегодовой урожайности картофеля (120 центнеров с гектара) СССР находится на 71-м месте среди 84 стран. В области животноводства Россия отстает от передовых стран в несколько раз.

В результате производительность труда в сельском хозяйстве у нас составила всего десять процентов от американского уровня. Экономисты сходятся в том, что структура занятости в советской экономике имеет больше общего со структурой занятости в развивающейся стране, нежели в развитой. К примеру, в сельском хозяйстве Японии занято 8,3% экономически активного населения, в США — 3,1%, Великобритании — 2,5%. В СССР — 19%. И это без учета десятков миллионов рабочих, служащих, студентов, учащихся, круглогодично привлекаемых к сезонным работам. В результате, СССР прочно занимает 70-е место в мире по уровню душевого потребления материальных благ и услуг.

Основные постулаты советской аграрной политики перечисляет в своей замечательной статье "Возможности выбора" доктор экономических наук Василий Узун ("Литгазета", 15-3-1989): государственная продовольственная монополия, ограничение форм организации производства в основном колхозами и совхозами, внеэкономическое приращение к хозяйствованию на земле, продажа продукции по директивным ценам, безвозмездное финансирование, уравниловка в распределении.

Главным вопросом аграрной политики действительно был и остается вопрос о земле. Опыт прошлого, полагает доктор Узун, дает нам два урока. Первый: аграрные реформы успешны тогда, когда они дают крестьянину землю. Урок второй: отлучение крестьянина от земли, превращение его в поденщика на барской да и на общественной ниве губительно для сельского хозяйства.

В начале века Россия провела аграрную реформу. Крестьянину было предоставлено право на выход из общины, на ведение самостоятельного хозяйства. Миллионы безземельных и малоземельных крестьян переселились в восточные районы страны и получили столько земли сколько могли обработать. Произшел резкий рост производства продовольствия. Сегодня, лишенная хозяина земля стала терять свое плодородие. Содержание гумуса в черноземах уменьшилось вдвое. Площадь каменистых земель за последние 10 лет возросла на 21, а засоленных — на 33 миллиона гектаров. Более 110 гектаров подвержено эрозии. Заращение кустарником, заболачивание — из-за этого только за 30 лет списано более 25 миллионов гектаров. Многие области сократили площади используемых для сельского хозяйства земель в два и более раз.

Люди покинули родные места. Потомки тех, кто храбро сражался за родную землю с татарами-монголами, французами, фашистами, оказались бессильны перед антикрестьянской аграрной политикой руководства КПСС. Социалистическое сельскохозяйственное производство, опирающееся на наемный труд, оказалось неэффективным.

Фридрих Незнаиский
(Обзор советской печати изд. "Посев".
Печатается с сокращениями)

По случаю исполняющейся 6-го июля с. г. 1-ой годовщины со дня смерти

инженера
† АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА БАРБИЦКОГО

в воскресенье 9-го июля после Божественной литургии в Св. Покровском храме в Темперлее будет отслужена панихида.

«Зрелый» социализм, однако, не дал того огромного роста производительности труда, которое от него ожидалось. Наоборот, производительность и качество труда резко ухудшились. Не только не составилось никакого изобилия, но все оказалось дефицитным. Вполне разумное и целесообразное государственное управление государственной же собственностью оказалось совершенно неэффективным и привело к глубочайшему экономическому, социальному и политическому кризису. Экономика на глазах разрушилась и страна обнищала и материально и духовно. Разруха зашла так далеко, что новое поколение социалистических вождей было вынуждено в поисках выхода из кризиса радикально изменить социализму и вместо «железного» управления из центра обратиться за помощью к населению с его несоциалистическими природными свойствами. Все ведь создается и производится трудящимися, а не правительством. Если мало продукции и услуг и низок их качество, значит трудящиеся должным образом не работают или не могут работать. Вопрос был в том, почему же население не работает должным образом на социализм и не повышает свою производительность труда? Ведь нет «жадных» собственников хозяев. «Работаете ведь на себя, на свое будущее. В чем дело?» Впервые новые социалистические вожди потеряли из виду путь развития, зашли в тупик, засомневались и обратились за советом к населению.

Появились мнения, что сбились с пути, что построили не тот социализм, который хотели. Действительно, как могла прекрасная идея всеобщего материального и духовного изобилия привести к таким плохим результатам? Решили утверждать, что все напортил Сталин, и осудили его, да и всех прежних вождей за исключением «основоположников». Осудить и их, означало осудить и всю идею и признать, что произошла ошибка и огромные жертвы и труды были напрасными. Ни вожди, ни население не были готовы к тому, чтобы перечеркнуть всю жизнь и страдания предыдущего и собственного поколения, как бесцельные. Появились названия «казарменный социализм», «административный социализм», «не тот социализм» и т. п., чтобы обозначить полученный неудовлетворительный результат. Появились и новые претенденты на более подходящий социализм: «демократический социализм», «рыночный социализм» и т. п.

Между тем, если свести идею социализма к идее осуществления наивысшей производительности труда, то есть к осуществлению всеобщего материального и духовного изобилия, то кто же может возражать против такой идеи? Следовательно, беда заключается в негодных способах и средствах осуществления этой наивысшей производительности труда. Спрашивается, а как достигается повышение производительности труда? Все знают, что для этого нужна индустриализация, то есть введение более производительных процессов, машин, инструментов (в дальнейшем роботов, компьютеров). Сталин именно это и делал и к этому стремился. В жертву индустриализации он принес и крестьянство и миллионы жертв. Все последующие вожди, включая нынешнего, тоже изо всех сил добивались повышения производительности труда в качестве первой и главной своей задачи. Как же еще повышать производительность труда? Все, абсолютно все было сделано, чтобы достичь наивысшей

А. ФЕДОСЕЕВ

НЕОЖИДААННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

производительности труда и тем создать земной рай социализма. Тем не менее, результат был не просто мал, а отрицателен. Оказалось, что даже самая мощная индустриализация является недостаточной для повышения производительности труда. Теперь не трудно сообразить, почему. Без человеческого интереса (эгоизма) и личного, индивидуального творчества никакие самые производительные машины, инструменты, процессы, компьютеры, роботы не только не дают эффекта, но бесцельно распыляют человеческий труд, пошедший на их создание. Техника и трудящиеся не могли выполнить свою задачу. (Нетрудно сообразить, что и западная, весьма совершенная техника в СССР не поможет, как не помогла и раньше). Появился и порочный круг: чем менее результативно работают трудящиеся, тем меньше они производят, чем меньше они имеют своей продукции для своего потребления и тем хуже живут, чем меньше они имеют для своего потребления, тем меньше они хотят работать, еще более снижая свою продуктивность.

Любопытно, что, начиная с Ленина и Сталина, и до сих пор все вожди твердили одно: трудящийся должен чувствовать себя хозяином, действовать по хозяйски (то есть действовать, как собственник, будучи им, в действительности, только по названию). Материальная заинтересованность трудящихся в своем труде была тоже «принята на вооружение». Социалисты были полны противоречий. Им пришлось уступить эгоизму. (Следует обратить внимание, что «материальная заинтересованность» не исчерпывает и малой доли явления, которое называется эгоизмом. Эгоизм включает в себя и потребность в очень широком спектре духовных благ и ценностей. Включает в себя потребность реализации мощного природного инстинкта творчества. Включает в себя разные формы взаимной любви к людям, взаимного сотрудничества, взаимной помощи. Включает в себя даже бескорыстную помощь другим людям в обмен на благодарность, а иногда и без нее, из простого чувства удовлетворения хорошим делом. Эгоизм есть очень многообразное явление. Кроме того он непрерывно изменяется и по форме и по содержанию. Эгоизм пещерного человека резко отличается от эгоизма современного человека).

Что касается чувства Хозяина, то, как можно чувствовать себя в чем-то хозяином, когда нет возможности ни распоряжаться средствами производства, ни добывать самостоятельно средства существования, ни даже просто принимать самостоятельные решения. Все и вся в стране социализма были лишь элементами (винтиками и болтиками) огромной запутанной системы, в которой все и вся зависели от всего и всех и в которой даже вожди не были хозяевами, способными решать возникающие проблемы. Система и их полностью сковывала. Все чувствовали, что традиция частной собственности повлияла на процессы поднятия производительности труда. Но как? Какая разница трудящимся, работать на жадного

частника или на государство? Ведь явно лучше работать на государство. Каждый знал, что работать на частного, значит «вкальвать», трудиться до упаду, тяжело. Никому это не «улыбалось». Может быть государство, правительство явились почему-то врагами людей? Нет. Никто не может отрицать, что правят государством социализма сами трудящиеся. Любой сегодняшний правитель и вождь, в том числе, является вчерашним рядовым трудящимся. Капиталистов и эксплуататоров в государстве нет. Почему же «на себя» люди работают хуже, чем на хозяйина?

Прежде всего, воображаемое всемогущество человеческого разума не существует, так как и сами убежденные социалисты и весь их аппарат централизованного управления имеют крайне ограниченный разум, как и все люди. Поэтому и их управление, принципиально, не соответствовало громадности задачи. Социалистические правители не могли не провалиться задачу. Их провал был лишь следствием ошибочности идеи всемогущества человеческого разума. Разум оказался неспособным иметь дело с построенной социалистической системой. Она ему тоже не подчинялась. Сами вожди едва ли могут быть обвинены в этом провале. Виновата идея или, вернее, легкомысленные интеллектуалы эпохи европейского Ренессанса, создавшие идею. Это одна сторона работы «на себя», то есть работы на государство. Разум государства не сработал.

Если рассмотреть любое общество или государство в истории, можно видеть, что в них всегда действовали две главные силы: интересы хозяев, собственников и интересы работников. Первые эгоистически хотели выжать побольше и получить труда из вторых в обмен на наименьшие блага. В свою очередь, работники, не менее эгоистически, хотели прямо противоположного. Именно динамическое, «социальное равновесие» этих конкурирующих сил было движущей силой развития общества. Это, кстати, есть положение (борьба противоположностей, как основа развития), полностью принятое марксизмом, ленинизмом и социалистами, но, очевидно, полностью в данном случае пренебрегаемое. Как только ликвидировали частную собственность и частных собственников, хозяев, социальное равновесие было нарушено и исчезла движущая сила развития — противоречие интересов работника и хозяина. Любопытно также, что прежде и хозяин и работники были заинтересованы друг в друге и в (полагающемся даже в до-социалистической диалектике) раз решении их противоречия через взаимное сотрудничество. Успех общего дела награждал эгоизм собственника и прибыль и чувством творческого успеха, а эгоизм работников награждался высокими зарплатами и чувством их собственного творческого успеха. Все вместе двигало общество вперед, повышая производительность труда. Иначе говоря, суть неуспеха социализма заключалась именно в том, что социалистическая идея пошла против природных свойств людей

и против домарксистской и марксистской диалектики.

Любопытно, что и отказ от религии чрезвычайно повредил социализму. Моральный кодекс религии («трудись в поте лица», «не воруй, не лги, возлюби ближнего») был бы очень полезен для социализма и повышения производительности труда.

Итак, социалисты вернулись в исходную точку. Нужно начинать сначала, уже с учетом свойств людей. Нужно ли при этом отказываться от социализма, как идеи повышения производительности труда и идеи более высокого благополучия человечества? В такой формулировке, я думаю, нет. Правда, это будет развитием в том же самом направлении, в котором человечество, фактически, всегда и развивалось, еще тысячи лет до появления социализма. В этом смысле Запад оказался гораздо более высокой, ушел дальше на пути к социализму, чем страна «зрелого» социализма. Ситуацию очень неплохо охарактеризовал в журнале «Огонек» (# 11, за 1989 год) Феликс Новиков, секретарь правления Союза архитекторов СССР: «Пока мы доискиваемся до истины, другие, чей современный опыт свободен от подобных явлений (социализма, А. Ф.) оторвутся от нас на значительное расстояние, окажутся куда ближе к идеалам грядущего. Перестраиваться куда сложнее, чем строить что-либо заново». Иначе говоря, заблудились и надо возвращаться на прежний, досоциалистический путь, ведущий к «идеалам грядущего». Можно, конечно, и не называть «грядущие идеалы» социализмом, но суть-то их одна и та же: благо человечества.

Любопытно, что идеи, называемые «Рыночный социализм» или «Демократический социализм» прямо вытекают из того чувства всеобщего бессилия и взаимной безответственности в условиях созданной системы социализма, которая как-то приобрела самостоятельную жизнь и не подчинялась ни людям ни даже вождям. Оба новых социализма рассчитывались на превращение системы социализма в нечто более управляемое людьми. Можно заранее предсказать, что без ликвидации системы государственной собственности социализма указанные паллиативы не приведут к успеху. Только задержат окончательное решение. Окончательное же решение состоит в том, чтобы учесть все реальные свойства человеческих существ и восстановить преемственность со всей прошлой историей человечества. Нетрудно, если есть желание, понять, что одно дело идея социализма, как общества с наивысшей производительностью, а другое дело — идеология марксизма и ленинизма, как способ осуществления идеи через всеобщую государственную собственность и разумное централизованное управление. Способ оказался полностью негодным. Марксизм и ленинизм полностью провалились. Должно ли это кого-то удивлять или огорчать? Очевидно, нет. История человечества есть непрерывная серия опровержения старых «истин» новыми, которые, в свою очередь, опровергаются самими новыми «истинами». Это есть, всего навсего, процесс осознания людьми прошлого и настоящего и поиска все новых и новых путей к благу человечества. Теперь попробуем предсказать будущие пути такого, с вашего разрешения, «Истинного, исторически преемственного социализма».

А. ФЕДОСЕЕВ

ПЕЧАТЬ

ХАМСТВО ОТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

По поводу выпуска в Советской России сборника стихов Гумилева, некий С. Лурье, в "Русской Мысли" от 26 мая с. г., с наглостью и непристойно бесцеремонно, изрыгая перлы вроде следующих:

"Те, кому прежде Гумилев доставался только урывками, будут несколько разочарованы: стихотворений небывалых и незабываемых оказывается немного... Перед нами не исповедь, а скорее дневник затянувшегося производственного обучения: ученик в поте лица копирует мастера; все силы уходят на соблюдение изученных правил, и навык развивается много успешней, чем талант, а талант растет заметнее, чем личность. В результате, как часто истинно, мысль отстает от стиха, интонация не согласована с дыханием — а ведь в каждом стихотворении Гумилев пытается избавиться от этих неотвязных изъянов. Тайна лиризма никак ему не давалась..."

Негодование мешает. Знает ли ничтожный литературный сноб, пришедший на себя право судить и карать, что он болтает о великом поэте, которого поистине:

России сердце не забыло?

И, добавим от себя: не забудет никогда! О писателе и гражданине, — герое и мученике, — чья слава непрерывно растет, чьи заслуги все более становятся понятны стране, для которой он жил и умер.

Может быть, — и даже скорее всего, — сей жалкий бумагомятель все отлично учитывает, и вполне умышленно пользуется слухом пилонуть в лицо русской словесности и русским читателям; благо на страницах парижского еженедельника, кошуновенно именуемого "Русской Мыслью" он себе может позволить это удовольствие совершенно безнаказанно.

Дополнительное свинство состоит в том, что данное эссе помещено под общей шапкой: "К 100-летию со дня рождения Анны Ахматовой". Редакция газеты вызывающе подчеркивает, что Николай Степанович Гумилев в ее глазах — всего лишь муж Ахматовой и лишь тем достоин внимания.

Мы строго разгадываем причину столь странной шкалы ценностей: служитель музы дальних странствий не признал "нетленных завоеваний февраля" и исповедывал иные, патристические, христианские и монархические идеалы. Этого ему и не прощают духовные наследники "великой и бескровной революции". Его супруга, та в подобных настроениях неповинна, — оттого о ней можно и кричать.

В близком будущем, несомненно, величина их дарований будет взвешена лучше, — пересмотр уже идет на полный ход; и для более трезвых потомков Ахматова останется несравненно меньшею величиною, чем гениальный ее супруг, ко-

торого она никогда не сумела, — Бог ей прости! — ни понять, ни оценить как должно.

КТО ЛЮБИЛ ТИРАНА?

Л. Баткин, в статье под заглавием "Сон разума", в московском журнале "Знание — Сила" № 3 от с. г. разбивает культ Сталина и так отзывается на слова некоего М. Гефтера в книге "Сталин умер вчера", упоминавшего о "тайне близости к нему миллионов образованных и полуграмотных":

"О тайне близости к нему миллионов". По-моему, тут не одна обшая тайна, а несколько весьма дифференцированных тайн. Но сначала я хотел бы, чтобы мне сообщили некоторые цифры: 1) какой процент участников индустриальных сталинских строек, всех "магниток", дорог, рудников и прочего составляли заключенные ГУЛАГа; 2) сколько было раскулаченных; 3) сколько людей бежало в барак: на "стройкой социализма", спасаясь от деревенского голода; 4) сколько из тех, кто остался на селе работать за "галочки", а затем просто не мог бежать за отсутствием паспорта, в душе не очень испытывали близость к Сталину. Добавим и многих, всех, кто Сталина боялся, может быть, воспринимая его как могучее недосыгаемое божество, как нового Ивана Грозного, но все же "близость" вряд ли испытывал. Не забудем о сыльных пародах, надо думать, не на Сталина же молились. Не забудем и о сотнях тысяч "бывших", а также "спецов", которые смирились, честно служили, но все же без "близости". Наконец, приплюсуем тех, кто все видел таким, каким оно и было — тех немногих, от кого тем не менее мы обязаны вести настоящий гамбургский отчет при любых вариантах на тему "мы тогда не знали, не понимали, не задумывались". Даже если бы их были бы всего сотни, десятки, единицы: от Платонова и Булгакова до Рютина и Раскольников. Да не так уж мало интеллигентов и тогда были интеллигентами, то есть "понимающими". И наконец, делегаты 17-го съезда, проголосовавшие против Сталина, хотя бы отчасти в чем-то разобрались? Словом, десятки миллионов образованных и полуграмотных придется из числа причастных "тайне близости" исключить, не так ли? За вычетом всех этих цифр остается некая часть населения страны, ощущавшая энтузиазм, то есть сознательно *верившая* Сталину".

Читая, мы ждали, что автор прибавит к своему списку миллион с лишком людей, взявшихся за оружие для борьбы против Сталина в годы второй мировой, да и тех, кто "голосовал ногами", убегающая из советского рая и отказываясь туда возвращаться. Но нет: у Л. Баткина не хватило мужества про них сказать, или же он чувствовал, что такие слова в печать не допустят. Что же: все равно, факты остаются фактами.

В. Р.

В. Мясников

«МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕГОВ»

Так озаглавлена статья в официальном органе Совета народных депутатов СССР «Известия» от 23 января 1989 года. Автор — Александр Васинский.

Он пишет, что когда отчаливал пароход перестройки, то, несмотря на наличие больших и опасных льдин, все были полны долгожданных и радостных надежд.

«Но жизнь и на этот раз оказалась мощнее, глубже, изобретательнее, непредсказуемее, динамичнее самой смелой и выверенной теоремы. Впрочем, в теореме перестройки — к ее чести — был с самого начала заложен индекс импровизации, допущение, что всего нельзя и невозможно запланировать. И вот сегодня мы плывем по бурной воде, где таятся и отмели, и перекаты, лоцманская карта создается, корректируется на наших глазах. И все мы пассажиры этого парохода, все мы движемся на нем и вместе с ним, включая и тех, кто вроде бы билет сюда покупать не стремился, — плывем вместе, и хоть пароход большой, — в целом судьба у всех будет обшая...»

Далее автор сожалеет об «ужесточении нравов», о неспособности отнестись терпимо к инакомыслию, и признать право каждого на уважение своей точки зрения... И вот идут письма:

«Тот журнал надо закрыть, а его тираж передать другому». Или: «Того ретрограда надо расстрелять!» Или: «Этого «левака» пора посадить!»...

«Крайности всегда смыкаются. Появились экстремисты и максималисты, паразитирующие на процессах демократизации. Как реакция на них — закон о порядке организации и

проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Но и в этой оградительной функции опасно терять меру».

«Перестройка сама пробудила к активности тысячу людей, вывела политику из кабинетов в квартиры, в залы, на улицы, поэтому очень осторожно надо пользоваться знаками запретов и ограничений. Осмотрительность нужна сугубая.

Нетерпимость — плохой советчик».

«Да, гласность — это не только благо, но и испытание. На зрелость. Как сказал о свободе поэт?

Я ведь ждал ее тоже
Столько долгих годов,
Ждал до боли, до дрожи,
А пришла — не готов...

Пароход перестройки проходит бурную воду, и мы видим по берегам немало хороших перемен, но случается проходить и, как выражаются речники, опасные узкости. Слева, с крутого близкого берега, участники каких-то эксцессов, колыбельные неуправляемой толпы, нетерпеливо жемлающей решит все одним махом, — Стихия. Справа — полускрытая туманом, затаившаяся глыба, утес, монолит — Аппарат командно-бюрократической системы. Не шархаться бы с борта на борт, пройти бы благополучно меж этих берегов, прежде чем выйдем на большую воду...

Эта статья Васинского несомненно правдиво отображает проблематику современной жизни в России в эпоху горбачевской перестройки и подкупает своей объективностью, тем более необычной, что она помещена в таком печатном органе как «Известия».

В. Мясников

Среди книг

ГОЛОСА СОВРЕМЕННОКОВ

"Новый Мир", в # 3 от с. г., публикует продолжение исторической хроники В. Белова "Кануны перелома", заглавием "Год великого перелома". Выпишем оттуда следующий кусок: "18 октября 1888 года... Накануне, то есть 17-го, в 12 часов дня между станциями Борки и Тарановка Азовско-Курской железной дороги с насыпи высотой в 6 саженей обрушился пассажирский поезд. Вагоны один за другим с треском валились друг на друга. Рванулся под откос и вагон-столовая, где, возвращаясь с Кавказа, с семьей и свитой завтракал император. Газеты того времени сообщали, что из разрушенного вагона извлекли икону Спаса-нерукотворного, и что стекло иконы оказалось целым. Царь выбрался из-под вагонных обломков и тотчас распорядился о спасении оставшихся в живых пассажиров, императрица будто бы сама оказывала помощь раненым. На станции Лозовой учинили благодар-

ственное молебствие и отпевание погибших. На другой день вся Россия возносила молитвы в честь спасения царской семьи. В церквях, вспоминали гибель Александра Второго — реформатора и освободителя крепостных».

В прекрасной повести "Сосьвинские мотивы" (входящей в состав сборника "Смех за левым плечом", выпущенной в Москве в 1989 году), В. Солоухин, говоря о Жуковском, уточняет: "Он был воспитателем одного из просвещеннейших и лучших российских государей — Александра Второго. Александр Второй впоследствии победоносно закончил кавказскую войну, отменил крепостное право, освободил болгар от турецкого ига, провел несколько благотворных реформ. Ведь с неподдельным изумлением и удивлением он воскликнул, обращаясь к убийце, бросившему в него бомбу: "За что же ты меня, братец?!" Да он мог и не погибнуть. Но первая бомба ранила случайного мальчика, и Александр, вместо того, чтобы велеть кучеру хлестнуть лошадью, спрыгнул из экипажа и помог этому мальчику. А тут и вторая бомба..."

Савва Юрченко

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия—0.80 ам. долл.; Германия—1.80 н. м.; Франция—5 фр.; Италия—1100 лир; США—0.80 ам. долл.; Аргентина—30.00 астр. В остальных странах—0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs.As.

Correo Argentino	Franquico pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980